

освещаемых в произведениях других историков. В этой части статьи раскрыты также некоторые из литературных приемов Прокопия; в частности, высказана интересная мысль о том, что резкая критика Юстиниана, вкладываемая Прокопием в уста его врагов, в ряде случаев выражает, вероятно, мнение самого автора.

Интересен также раздел статьи, посвященный рассмотрению и оценке сведений, сообщаемых Прокопием о славянских племенах; здесь автор обращается не только к «Истории войн с готами», но и к другим произведениям Прокопия, в частности, к трактату *«О постройках»*, в котором буржуазная историография чрезвычайно тенденциозно усматривает лишь восхваление деятельности Юстиниана. З. В. Удальцова показывает, что этот трактат дает и иные, не менее важные сведения — о вторжениях славянских племен, о значительном размахе, в связи с этими вторжениями, строительства, преследовавшего цели обороны, и т. д.

Написанная просто и популярно вводная статья З. В. Удальцовой по-новому ставит ряд вопросов и будит научную мысль. Удачно разрешена и вторая задача, неизбежно стоящая перед всякой вступительной статьей — задача популярного освещения соответствующей проблематики, введения читателя — не-специалиста в круг вопросов, связанных с данной эпохой и данным источником.

И. В. Феленковская

А. П. ОКЛАДНИКОВ, *Неолит и бронзовый век Прибайкалья*. «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 18, М.—Л., Изд. АН СССР, 1950, ц. 45 р. 50 к.

Этот большой том в 400 страниц с многочисленными рисунками представляет собою сводку многолетних исследований по неолиту Прибайкалья и основан преимущественно на материалах из раскопок и разведок самого автора. В этом труде впервые дана полная систематика огромного археологического материала, но большей части остававшегося до сих пор неизвестным и только частично и разрозненно опубликованного в разных статьях, особенно в статьях автора рецензируемой работы.

Книга эта входит в круг больших, обобщающих монографий по археологии различных областей Советского Союза, написанных за последнее пятилетие сотрудниками Института истории материальной культуры Академии Наук СССР. Это позволяет предъявлять к труду А. П. Окладникова повышенные требования. К сожалению, этот труд значительно уступает в качестве ряду вышедших ранее работ.

Первая часть книги посвящена историографии и хронологизации древностей Прибайкалья. Вторая часть содержит описания этапов развития неолитической культуры в Прибайкалье. Описание бронзовой эпохи в Прибайкалье будет дано в одном из дальнейших томов «Материалов и исследований».

Историографическая часть (глава первая) интересна, но сильно растянута и содержит много лишнего: конспективное изложение истории взглядов на каменный век, начиная с Лукреция, историю установления трехчленного деления на каменный, бронзовый и железный века, второстепенные и третьестепенные подробности. Впрочем, как придется отмечать и далее, книге А. П. Окладникова вообще свойственны словесные излишества.

Следующие главы, вторая и третья, посвящены классификации и относительной хронологизации памятников Прибайкалья и синхронизации неолитических погребений и поселений. К положительной стороне этих глав следует отнести большую работу по выделению последовательных этапов развития материальной культуры Прибайкалья. Автор подробно и убедительно обосновывает свою схему деления этой культуры на хиньский, исаковский, серовский, китовский, глазковский и шиверский этапы. Таким образом, он дополняет и расширяет данную им же ранее аналогичную схему (в статье «Археологические данные о древней истории Прибайкалья», ВДИ, 1938, № 1). Но полное недоумение вызывает название следующего этапа «бронзовым

веком», поскольку: оба предшествующих этапа, шиверский и глазковский, автор тоже относит к бронзовому веку. Такая путаница в терминологии совершенно неуместна (см. стр. 139).

Как в этих главах, так и в следующей, четвертой главе, посвященной вопросу об абсолютных датах, есть ряд положений, с которыми никак нельзя согласиться. Так, следуя за О. Монтелиусом, А. П. Окладников утверждает на стр. 53—54 преимущество хронологизации археологических памятников по могильным древностям. Положение это сильно устарело. Приведенные автором примеры неустойчивости датировок по «слоиным» памятникам, даже по 11-слоистой стоянке Улан-Хаде, неубедительны и показывают только несовершенство применявшихся методов раскопок. Находки на полах жилищ, открытых на стоянках, представляют собой такую же «достоверную» находку, как клад или погребение, так как они безусловно существовали одновременно. А правильное изучение многослойных поселений дает более объективный критерий последовательной смены типов керамики и других бытовых вещей, чем типологическое расчленение погребений одного или нескольких могильников. Да и из слов самого автора видно, что раскопки прибайкальских неолитических стоянок могли, повидимому, быть использованы для установления относительной хронологии значительно шире, чем это было сделано А. П. Окладниковым. Так, мы встречаем в книге указание, что «иногда культурные остатки, связанные с неолитическими (поздними) поселениями, встречаются над кладками могил, в покрывающем их дерне, а в ряде случаев поздние погребения располагаются на площади ранних поселений» (стр. 65, примечание). Однако, отметив это, А. П. Окладников оставил неиспользованными эти неиспользованные для относительной датировки наблюдения. Точно так же на стр. 90 автор сообщает, что относительная хронология памятников серовских, китойских и глазковских погребений по керамике осложняется отсутствием в китойских погребениях сосудов (найден всего один сосуд), тогда как «китойская керамика поселений представляет большое разнообразие форм и типов». Но опять-таки и этот факт не побудил автора обратить больше внимания на массовый стояночный материал.

Особенно досадно отсутствие даже попытки ответить на некоторые вопросы, неразрывно связанные с содержанием этих глав. Ведь уже во введении А. П. Окладников пишет, что он рассматривает «большие локальные группы неолитических памятников Сибири и Дальнего Востока... в качестве обозначения культуры определенного этнографического целого, например культуры народа или племени на всем протяжении его истории» (стр. 10). И все-таки остается неясным, представляет ли себе А. П. Окладников выделенные им этапы развития материальной культуры Прибайкалья последовательными этапами в развитии одной и той же археологической или этнической общности. Не было ли здесь полной или частичной смены населения (ср., например, с фактом наличия могильников на местах поселений и следов поселений над могильниками)? А если все эти этапы «обозначают» одну археологическую культуру и одну этническую общность, то мы вправе ожидать от автора, что он, хотя бы приблизительно, очертит область, занятую некогда этим населением, и попытается установить, когда и откуда эта область была заселена. Но в книге не дано ни одной карты распространения этой культуры Прибайкалья; дано лишь несколько карт распространения неолитических могильников по р. Ангаре. Или это и есть область распространения прибайкальской культуры? Но, помещая эти карты, автор не потрудился расставить около точек, отмечающих местонахождения могильников, номера, соответствующие номерам перечисленных в тексте могильников. Поэтому карты получились «слепыми».

Неблагополучно обстоит дело и с главой четвертой, где приведены обоснования абсолютных дат. Автор отмечает в этой главе, что «наибольшую ценность для абсолютных датировок имеют прямые образцы импорта из других стран» и «подражания чужим образцам» (стр. 125). С этим установленным еще в прошлом веке бесспорным положением надо согласиться. Более того, можно даже сказать, что для данной эпохи одно лишь наличие хотя бы нескольких таких предметов, датированных прямо или косвенно по так называемой «цепочке», может служить опорой для дальнейших типологических сравнений и хронологических выводов. Однако, сделав весьма ответственное заявле-

ние, А. П. Окладников тотчас забыл о нем, и ни одного примера находки привозных вещей или подражаний чужим датированным образцам в главе четвертой мы не находим. Исключения составляют только, может быть, костяные булавки с молоткообразной головкой из китайских погребений и костяные булавки, с окружающими их верх желобками, из тех же погребений; булавки эти находят себе прямые аналогии в булавках из катакомбных и северокавказских погребений на юге европейской части СССР и в булавках с острова Готланд. Но и те и другие датируются, как правильно указывает автор, началом второго тысячелетия до н. э. и могут, таким образом, подтвердить только позднюю дату китайского этапа, по датировке А. П. Окладникова, не подтверждая начальной его даты.

Более того, производя типологические сравнения найденных в Прибайкалье предметов с находками в других областях, А. П. Окладников по большей части не сопоставляет, а противопоставляет их друг другу. Так, сравнивая глазковские листовидные медные ножи с находками медных ножей в других местах, А. П. Окладников заявляет, что они не могут быть сближены ни с какими другими более поздними типами металлических ножей Сибири, кроме простейших бесчеренковых¹ ножей из афанасьевских погребений; хотя абзацем ниже, на той же стр. 126, он говорит, что таких ножей в афанасьевских погребениях найдено не было. Не подходят, по его мнению, для сравнения с глазковскими ножами и другие ножи, найденные в Сибири, например в Окуновом улусе на Енисее, или в европейской части СССР, например, на Левшинской стоянке. Затем следует экскурс (отклонений в сторону, часто очень пространных, в книге А. П. Окладникова превеликое множество) по вопросу о типологическом развитии медных ножей в Передней Азии и в Венгрии, с характерной оговоркой, что глазковские ножи «не следует датировать так же, как аналогичные по форме листовидные ножи Передней Азии, южной и даже восточной Европы» (зачем же нужно было привлекать эти ножи для сравнения? — А. Б.). Вывод же из всего этого делается тот, что «глазковские металлические ножи обеих форм, — как без черенка (черешка. — А. Б.), так и с черенком (черешком — А. Б.), — принадлежат к числу типологически древнейших образцов» (стр. 127—128).

Итак, вместо приема датировок по «импорту» и «подражаниям» вещам, датированным в других областях, А. П. Окладников использует здесь весьма упрощенный и неубедительный прием по формуле: 1) глазковские ножи не имеют точных аналогий в других местах, 2) форма глазковских ножей проще, чем в других местах, 3) следовательно, глазковские ножи древнее остальных.

Еще откровеннее эта мысль выражена им при сравнении медного кинжала из фофановского могильника с аналогичными ему медными кинжалами. Сравнение это заканчивается словами, что этот кинжал «в типологическом отношении несравненно проще и а р х а и ч н е е (подчеркнуто мною. — А. Б.) всех этих кинжалов» (стр. 125). Так возводится в постулат, что «простейшая форма должна быть древнейшей. А между тем, эта простота, помимо других возможных причин, могла быть местной, особенностью, что далеко не безинтересно для характеристики прибайкальской бронзовой эпохи.

Типичным примером таких же недоказуемых выводов из сравнений прибайкальских типов вещей с изделиями других областей может служить предположение, сделанное на стр. 130, что «традиционные нефритовые кольца, являющиеся едва ли не наиболее чтимыми священными символами в древнем Китае, могли (разрядка моя. — А. Б.) иметь свои прообразы на далеком Севере» потому, мол, что в Китае нефрита нет (? — А. Б.), а в Прибайкалье его обрабатывали издавна.

Нередко в этих главах встречаются внутренние противоречия. Так, на стр. 127

¹ А. П. Окладников всюду пишет «бесчеренковый» вместо «бесчерешковый». Такое неправильное словоупотребление встречается часто не только у А. П. Окладникова. Надо напомнить, что черенком называется рукоятка ножа, а черешком продолжение клинка, закрепляющееся в рукоятке.

А. П. Окладников возражает против сравнения глазковских белых цилиндрических бус с древнеандроновскими, так как «первые значительно меньше по размеру, короче и уже в диаметре», а на стр. 130 и 134 сравнивает глазковские бусы с «близко напоминающими» их бусами из могильника Пан-Шан и с бусами из мариупольского могильника. Совсем недопустимо сравнение китайских погребений с погребениями на Южном Оленьем острове в Карелии; аналогии здесь не идут далее засыпки могил охрой и преобладания вытянутого положения захороненного; разница же по времени между теми и другими погребениями огромная.

Не буду приводить других примеров нечетких датировок, на основании которых А. П. Окладников относит хиньский этап к 5-му, исаковский — к 4-му, серовский — к 3-му и китайский ко второй половине 3-го и началу 2-го тысячелетия до н. э.

Можно было бы простить автору его увлечение тысячелетиями. Но их надо было лучше обосновать на основе находок привозных датированных вещей или подражаний им, — метод, который сам А. П. Окладников считает наиболее «ценным». Поскольку же этого сделано не было и даты выведены из приблизительных типологических аналогий, сопровождающихся недоказанными предположениями, то абсолютные датировки различных этапов в развитии материальной культуры Прибайкалья оказываются, по меньшей мере, спорными.

Однако здесь дело не только в простом увлечении большими датами. Эти датировки понадобились автору для более широких и притом не только спорных, но и явно ошибочных исторических выводов. Уже в следующей, пятой, главе, в которой говорится о происхождении прибайкальского неолита, содержатся утверждения, которые заставляют читателя насторожиться. Глава эта странным образом посвящена, несмотря на ее заглавие, большому экскурсу в область палеолита, и только четыре страницы из двадцати одной отведены описанию хиньского этапа. Понадобилось же это автору для изложения довольно парадоксального взгляда на сибирский палеолит как на наиболее «прогрессивный» вклад в материальную культуру того времени в Евразии, причем «географическим центром» области «от Гоби до Енисея и Алтая», где якобы сложилась эта передовая палеолитическая культура, было Прибайкалье (стр. 146). За недостатком места я не буду разбирать здесь это утверждение и доказывать очевидную его ошибку. Приведу только заключительный вывод автора, сформулированный следующим образом: «Поэтому, несмотря на прогрессивное развитие, или вернее именно из-за него, культурный уровень лесных племен Сибири оставался еще очень низким» (стр. 156). Расшифровывать смысл этих слов я не беруся.

Стараясь связать поздний палеолит Сибири с хиньским этапом, А. П. Окладников утверждает, что в развитии позднепалеолитических культур Сибири отмечаются следующие особенности, которые описаны автором очень подробно, но которые я излагаю здесь в нескольких словах. Первая особенность «заключается в том, что прогрессивный перелом начался здесь относительно рано»; вторая — в том, что развитие техники камня пошло здесь иначе, чем в Европе. «Сибирь не только миновала микролитическую стадию перед самым ее медленным началом, но и совершенно иных формах, чем на Западе, и в иное время, задолго до Кампиньи, Маглемозе и кьеккенмеддинггов Скандинавии, прошла полосу развития макролитической техники»; третья особенность заключается в медленных темпах развития позднепалеолитической культуры Сибири (стр. 153—156). Из этого делается вывод, что «промежуток времени, отделяющий весь этот несравненно дольше, чем в Европе, затянувшийся „поздний палеолит“, от настоящего развитого неолита с луком и стрелами, снабженными обычными, развитыми по форме наконечниками, был, повидимому, очень непродолжительным» (стр. 156). Так «обосновывается» своего рода скачок от позднего палеолита к хиньскому этапу. Отсюда — и датировка этого этапа V тысячелетием до н. э. Но ни одна из форм орудий хиньского этапа, выделенного А. П. Окладниковым на основании находок только в двух погребениях: в пади Частые (нарушенном) и в пади Хиньской, не вытекает из форм орудий сибирского позднего палеолита. Получается, действительно, какой-то скачок в духе марровских взрывов в материальной культуре и языке, в зависимости от изменений в форме хозяйства общества. А если мы учтем, что в этих

хиньских погребениях были найдены шлифованные шлифованные орудия и листовидные кремневые наконечники стрел, то этот скачок от «затянувшихся» форм палеолитических орудий покажется еще более странным.

Как бы ни хотелось автору рецензируемой книги связать наиболее поздние палеолитические памятники Сибири с наиболее ранними известными нам неолитическими памятниками, этот разрыв в наших знаниях существует, и заполнять реальный пробел нереальными предположениями нет никакой надобности. А потому и хиньский этап, быть может, не так древен, как это кажется А. П. Окладникову.

Следующие — шестая, седьмая и восьмая — главы представляют большой интерес, поскольку в них опубликованы с большой тщательностью и подробностью материалы по неолиту Прибайкалья, разделенному на исаковский, серовский и китойский этапы. В этих главах даются сопровождаемые иллюстрациями описания ряда погребений и найденных в них вещей.

Опубликование богатого материала из байкальских неолитических погребений и со стоянок, а также отдельных находок является наиболее ценной частью труда А. П. Окладникова. Большое количество иллюстраций и удачное сопоставление различных древних предметов с изделиями, известными из этнографии, дали возможность автору полно и убедительно выяснить в подробностях назначение найденных вещей и охарактеризовать способы их использования. Однако эту положительную сторону труда сильно портит перегруженность текста бесчисленными этнографическими примерами, часто почти буквально повторяющими друг друга, а иногда приведенными не к месту. Так, вместо того, чтобы, приведя несколько примеров охоты на рыбу с острогой, луком и стрелами, сказать потом, что эти способы применяются у многих других народов, автор подробно описывает или цитирует описания такой охоты у самых различных племен Азии, Америки, Австралии, занимая тождественными описаниями целые страницы. Начав описывать для сравнения изображения рыб-приманок, находящиеся в фондах различных этнографических музеев, А. П. Окладников с унылым однообразием приводит более десятка совершенно одинаковых описаний. На стр. 233—234 он дает всем известные описания лодок-долбленок, найденных при прорытии Сяского канала, в швейцарских свайных постройках, в Шотландии, затем переходит к описаниям лодок у алеутов, индейцев и т. д., и все только для того, чтобы сказать, что неолитические жители Прибайкалья, «очевидно», плавали в таких же лодках. Между тем в археологическом материале Прибайкалья никаких остатков лодок нет, а отсутствие или очень малое количество находок грузил от сетей, поплавок, огпечатков сети, дощечек и игл для плетения сетей (по крайней мере, А. П. Окладников не упоминает о них в своей работе) скорее говорит об отсутствии лодок у местного населения.

Многословие автора достигло апогея в разделе «Космогонические представления и культ животных» в серовское время. Этот раздел занимает девять авторских листов. В нем нагромождены сотни этнографических примеров со всего земного шара, должествующих, по мнению автора, показать систему верований и мировоззрения у байкальского населения серовского времени. Какие только племена и народности не проходят здесь перед глазами читателя! Эвенки, тунгусы, орочи, ханты, иганасаны, чукчи, кеты, лопари и другие народности Севера, народы Средней Азии, североамериканские индейцы, племена Аравии и т. д., вплоть до древних египтян и древних скандинавов. Стрижка их всех под одну гребенку с неолитическим населением Прибайкалья невольно вызывает сомнение у читателя: неужели же у всех этих племен и народностей, стоявших на разных ступенях культурного развития и находившихся в различных исторических условиях, не было никакой разницы в их верованиях, которые сводились в основном якобы к представлениям о «верхнем», «среднем» и «нижнем» «небе», о «космогонических» лосях, быках и т. д. Нехватает только сведения всех этих небес и космогонических животных к пресловутой идее о «руке», чтобы полностью повторить «яфетические зори» Н. Я. Марра.

Но вернемся к археологической части последних глав книги. Продолжая наметившуюся ранее линию, А. П. Окладников, в соответствии с установленными им большими

датами для неолита Прибайкалья, приходит к таким выводам, с которыми никак нельзя согласиться.

Характерным примером этого может служить вывод, который сделан автором на основании находок в серовских погребениях длинных костяных пластинок. А. П. Окладников с некоторым основанием считает их костяными обкладками луков, что, впрочем, не вполне доказано. Но допустим, что автор прав и эти пластинки действительно являются обкладками луков. На основании только того, что пластинки имеют плоско срезанные с боков ребра, А. П. Окладников делает вывод, что серовские луки были «односторонне выпуклыми». Далее дается описание африканских и океанийских луков, из которого следует не совсем понятное заключение, что «костяной обкладке неолитических луков и их предполагаемому деревянному стержню вполне соответствуют, таким образом, удвоенные стержни отмеченных выше луков» (ст. 224—225). Ниже, после рассуждения об арктических луках, А. П. Окладников находит серовские луки более совершенными: те, мол, «имели лишь по одному куску кости на самом стиге, тогда как серовский лук был сплошь покрыт своего рода костяной броней» (стр. 227). И вот у автора возникает новая мысль о том, что предполагаемая обкладка лука и предполагаемый деревянный стержень были склеены между собою, так как «ни общее устройство (предполагаемое.— А. Б.), ни составные части его (известны только костяные пластинки.— А. Б.) этому не могли препятствовать» (стр. 227).

Предположение, помноженное на предположение, приводит автора, наконец, к выводу, что серовские луки замечательны еще и потому, что «они имеют прямое отношение к общим проблемам истории материальной культуры северных племен в связи с мировой культурной историей».

Так мы дошли до мировой культурной истории, на фоне которой А. П. Окладников рисует появление серовских луков: «Находки серовских луков показывают, однако, что в глубине северной Азии лук несравненно более сложного и совершенного устройства, чем луки из царских могил первой династии (3400—2980 гг. до н. э.), появился во всяком случае не позже древнейших египетских образцов и, конечно, на много веков раньше сложных луков времен Рамзеса II. Это был бы древнейший сложный лук вообще» (стр. 228).

Но и таких выражений показалось автору мало, и на следующей странице он, в конце концов, произносит настоящий акафист серовскому луку: «...высокоразвитой охотничьей культуре северных областей Старого Света закономерно соответствовал и уникальный по его характеру серовский лук — самый древний и самый совершенный из всех известных нам сейчас изделий на земном шаре» (стр. 229). Итак, ни одно «из всех известных нам сейчас изделий на земном шаре» не достигло такого совершенства, как неолитические серовские луки!

Вот для чего понадобилась более ранняя датировка прибайкальского неолита. Пример с серовскими луками показывает, каким путем автор в дальнейшем использует другие находки в серовских погребениях, чтобы доказывать ведущую роль в мировой культуре неолитических племен Прибайкалья. Однако стоит просмотреть материал из серовских погребений по описаниям и иллюстрациям автора, чтобы убедиться, что серовские луки, может быть, и не столь древни. Об этом свидетельствуют прежде всего типы серовских кремневых наконечников стрел, характерные для конца III и первой половины II тысячелетия до н. э. в южных степях Европы. Об этом говорит широко применяемая на серовском этапе струйчатая ретушь, которая в восточной Европе распространяется только во II тысячелетии до н. э. На это же указывают находки костяных гарпунов с цилиндрическим насадом, снабженным обращенным кверху зубцом. Да и глиняные сосуды серовского этапа, частично орнаментированные, содержат среди элементов орнамента такие, как выпуклины и кресты, а иногда даже снабжены ручками. По аналогии со всеми областями Евразии такой тип керамики не подтверждает ее большой древности. Еще убедительнее об этом говорит пять раз надблюдавшийся в серовских погребениях обряд трупосожжения (см. стр. 336), несмотря на длинейший экскурс А. П. Окладникова о значении огня в первобытной религии. Может быть, серовский этап и не следует отодвигать так далеко в древность.

Последняя глава книги о китойском этапе построена на тех же приемах и естественно, приводит автора к выводу о существовании «в конце 3-го и во всяком случае в самом начале 2-го тысячелетия до н. э. передовой группы лесных племен Прибайкалья» (стр. 414). На критике этой главы я не буду останавливаться, чтобы не повторяться.

Рассматривая работу А. П. Окладникова в целом, надо высказать сожаление, что он обошел молчанием вопросы этнической общности населения Прибайкалья в различные установленные им этапы. Иначе он обратил бы внимание на некоторые факты, приведенные им самим, но не разъясненные. К таким фактам относится исчезновение в китойское время «самых совершенных в мире» составных серовских луков, хотя наконечники стрел представлены разнообразными типами; к этим фактам относится то, что в китойское время «вновь появляются грубые скребловидные орудия и острия из аргиллита, кварцита или даже кварца, живо напоминающие «архаический» инвентарь позднепалеолитических стоянок» (стр. 363); к таким фактам относится изменение в обряде погребений и т. д.

Труд А. П. Окладникова, как публикация нового систематизированного материала, представляет большую ценность и, несомненно, заинтересует всех археологов, изучающих неолитическую эпоху. Но как исследовательская работа рецензируемая книга неудовлетворительна. Собственно истории древнего населения Прибайкалья уделено слишком мало внимания, хотя материал для этого был у автора колоссальный. Вместо этого автор посвятил всю свою энергию и изобретательность созданию весьма сомнительных доказательств того, что долина р. Ангары с палеолита и до бронзовой эпохи занимала ведущее положение в сложении если не мировой, то евразийской культуры — занятие пустое, а в известной мере и вредное.

Следует сделать еще несколько мелких замечаний. Прежде всего можно указать на небрежное отношение к терминам. Так, на стр. 134 говорится о «коридорных могилах», а на стр. 138 они называются «могилами с ходами»; на стр. 203 дан совершенно неупотребительный термин «шпалтер», а на стр. 174 и 199 зачем-то применены иностранные термины «hohlmeissel» и «lames» вместо «желобчатое долото» и «ножевидные пластинки». Не упорядочены даже наименования могильников, материалом из которых оперирует автор: перечни могильников на стр. 62, 72 и 73 расходятся, и не всегда можно отождествить их. Встречаются непонятные выражения, вроде «разрез хвоста ласточки» (стр. 176), «очертания сосуда параболоидные (в разрезе)» (стр. 168, ср. стр. 166, 171). Напрасно А. П. Окладников ставит вопросительные знаки после не понятых им, но совершенно точных и ясных слов в некоторых цитатах, как, например, в цитате из жития Аввакума, который, описывая Байкал, отмечал: «Вода пресная, а нерпы и зайцы великия». После слова «зайцы» А. П. Окладников поставил вопросительный знак, хотя ясно, что речь идет о морских зайцах, а, конечно, не о «косьях».

Немало также плохо отредактированных мест, перечислять которые я не буду; приведу только один из таких примеров. На стр. 74 говорится, что все кремневые наконечники стрел в ленковском погребении листовидные, а всего лишь абзацем ниже сказано, что эти наконечники стрел имеют различную форму — треугольную, с захватом по обоим краям и т. д. К неотредактированным местам надо отнести глухие упоминания, без указания имен, «сибирских исследователей» (стр. 148), «некоторых археологов» (стр. 150), мнения которых критикуются. Работа А. П. Окладникова попала в печать, очевидно, не вполне доработанной и неотредактированной. Помимо многих технических поправок, из этой книги, несомненно, надо было изъять бесцеленные экскурсы, уводящие читателя далеко от основной темы. И вообще сокращение этой книги хотя бы наполовину принесло бы ей большую пользу.

Основным же недостатком этой книги надо считать отсутствие в ней историзма. Труд А. П. Окладникова больше соответствует первому слову в названии серии, в которой она вышла, — «Материалы» и гораздо менее второму слову — «исследования». За опубликование новых материалов автора безусловно надо поблагодарить, а от его исследований я предпочел бы отказаться.

А. Я. Брюсов